

Studies in Endangered Languages. Papers from the International Symposium on Endangered Languages, Tokyo, November 18—20, 1995, Tokyo [1998] (ICHEL Linguistic Studies, Vol. 1). viii + 252 с.

В 1994 году по просьбе ЮНЕСКО в Токийском университете было создано Отделение лингвистики Азии и Тихого океана (Department of Asian and Pacific Linguistics), которое действует и как международный орган по учету языков, которым угрожает исчезновение (International Clearing House for Endangered Languages, сокращенно ICHL). Последний и организовал в 1995 году в Токио международный симпозиум, посвященный исчезающим языкам. 12 докладов, прозвучавших на симпозиуме, опубликованы в рецензируемом сборнике. Как человеку, записывавшему когда-то речь последней носительницы теперь уже утраченного камасинского языка, мне знакомы и понятны слова тоже последнего носителя одного из австралийских языков — варрунгу —, сказанные им руководителю симпозиума Тасаку Цуноде: «Я последний, кто умеет говорить на этом языке. Я научу тебя всему, что сам знаю, так что аккуратно записывай все это». Эти слова четко определяют возможности и обязанности исследователей в отношении языка, которому грозит исчезновение (с. vi).

Майкл Краусс (Аляскинский университет), собиравший данные и лично у языковедов (см. об этом также: Künnap 1997 : 59), набросал в своем докладе такую картину: из примерно 6000 языков, существующих в мире, 20—50% проходят стадию исчезновения, 5—10% «защищены», остальным 40—75% угрожает опасность. Упомянутые им 50% вполне могут стать действительностью в 2000 году. М. Краусс призывает нас ударить в набат (с. 103). Второй его набросок касается положения, существовавшего 10 000 лет назад, еще до перехода от потребления пищи (охота, рыболовство) к производству пищи (земледелие, скотоводство), который создал условия для значительного роста численности населения земного шара. На Земле тогда проживало 5—10 млн человек, однако по числу

употребляемых языков именно в те времена был поставлен рекорд в истории человечества — люди говорили на 5000—20 000 (т.е. в среднем 12 000) языков. Основой для этих расчетов служит предположение, что 10000 лет назад языковой коллектив мог состоять большей частью из 500—1000 человек (как у аборигенов Австралии в новое время). М. Краусс полагает, что через 150 лет в мире останется в лучшем случае 3000, в худшем — лишь 300 языков. Кривая сокращения числа языков выглядит как зеркальное отражение кривой роста численности населения, лишь с некоторым запаздыванием первой (с. 105). М. Краусс упоминает пример, приведенный Питером Лейфоджедом, об одном из носителей быстро исчезающего языка дахало, который с радостной улыбкой говорил о том, что его сыновья говорят только на языке суахили. Гордость его можно понять: сыновья посещали школу, где учились на суахили, и теперь очень много знают (с. 107). Здесь необходимо отметить, что улыбающийся и довольный дахало являет собой как бы усиленный символ того процесса, в ходе которого в России идет исчезновение финно-угорских и самодийских языков. Усиленный потому, что в России обязательно не улыбаются в подобной ситуации, но это усиление помогает нам разобрататься в сути происходящего там процесса (об этом процессе в России я писал уже раньше, причем не раз, см., напр., Künnap 1996 : 53). М. Краусс считает необходимым информировать общественность о грозящей языкам катастрофе и добиваться у нее поддержки, чтобы создать благоприятные условия для существования языков, находящихся на грани исчезновения, а также для организации более интенсивного лингвистического документирования их (с. 108—112).

Исходящим языкам России посвящен доклад Виды Михальченко (Институт языкознания РАН) — она знакомит

с компьютерной базой данных Центра по исследованию отношений национальных языков, действующего при Институте, «Языки национальных меньшинств России». К сожалению, В. Михальченко опирается (в отличие от М. Краусса) в основном на данные переписи населения 1989 года в Советском Союзе (для сомнений в их достоверности есть все основания, см. также: Künnap 1992 : 50; 1998 : 13). Языками национальных меньшинств признаются такие, носители которых образуют этнические группы количеством до 50 000 человек — их в России 54. Таким образом база данных охватывает и народы, не названные в результатах переписи населения 1989 года. Около половины языков национальных меньшинств находится в зоне опасности, они делятся на пять групп (из приведенных в докладе языков отмечу в скобках лишь финно-угорские и самодийские): 1) исчезающие языки; 2) хронически больные языки, нуждающиеся в срочном оживлении (энецкий), 3) хворые языки; 4) хронически больные языки, проявляющие определенное сопротивление (нганасанский, селькупский), 5) употребляемые в семейном кругу и в повседневной жизни языки (водский, ижорский) (с. 121—124).

Еще в пяти докладах исчезающие языки рассматриваются по регионам: Виллем Ф. Х. Адelaar (Лейденский университет) — Южная Америка, Э. Аннамалай (Токийский университет) — Индия, Дэвид Брэдли (университет в Ла Тробе) — Китай и Юго-Восточная Азия, Маттиас Бренцингер (Кельнский университет) — Африка; ряд докладов посвящен отдельным языкам: Сувилай Премспират (университет Махидол — со (тхавунг) в Тайланде, Осами Окуда (университет Саппоро Гакуйи) и Харуми Савай (Центр исследования культуры айну в Хоккайдо) — айну, Кнут Бергсланд (Ослоский университет) — алеутский и саамский языки. К. Бергс-

ланд приводит данные ЮНЕСКО о численности саамов в 1990 г.: в России — 1500, в Финляндии — около 5000—6000, в Швеции — 15 000—17 000, в Норвегии — 27 600, т.е. всего примерно 50 000 человек (с. 40).

Стефен А. Вурм (Австралийский национальный университет) анализирует методы сохранения и оживления языков, которым грозит исчезновение. Между прочим он является и одним из ведущих активистов работы по спасению языков, проводимой в глобальных масштабах; чрезвычайный интерес представляют составленные при его участии атласы, из которых для исследователей финно-угорских и самодийских языков интересен в первую очередь «Atlas of Languages of Intercultural Communication in the Pacific, Asia, and the Americas I», девять сибирских карт из которого я воспроизвел в Künnap 1998 : 81—89, хотя, к сожалению, технически слабо. С. Вурм убежден, что сохранению языка в значительной мере способствует инициативная деятельность самого языкового коллектива (с. 198). Касательно языков Сибири С. Вурм полагает, что носители хантыйского, ненецкого и нганасанского языков проявляют твердое намерение сохранить свой язык (с. 209).

Акиро Я. Ямамото (Канзасский университет) рассматривает роль лингвистов в спасении языков, которым грозит исчезновение. Обязанностью их он считает, кроме прочего, наряду с тщательной фиксацией исчезающих языков демонстрацию языковому коллективу своего интереса к их языку (с. 228). Собственно, в большинстве случаев так оно и происходит. А. Я. Ямамото излагает некоторые принципы, знакомит с исследованиями и решениями, весьма существенными для лингвистов при работе с исчезающими языками (с. 230—233, 239—252).

Пожелаем же ICHEL больших успехов в его глубоко гуманной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

Atlas of Languages of Intercultural Communication in the Pacific, Asia, and

the Americas I. Maps, Berlin—New-York 1996.

- K ü n n a p, A. 1992, Die uralischen Völker nach den Aufgaben der sowjetischen Volkszählungen 1959—1989. — LU XXVIII, 50—54.
 — 1996, Uralische Völker vor der Jahrtausendwende. — CIFU VIII, Pars VIII, 20—22.

- 1997, New Data about the Indigenous Languages of the North. — Western and Eastern Contact Areas of Uralic Languages, Tartu (FU 21), 59—64.
 — 1998, Breakthrough in Present-Day Uralistics, Tartu.

АГО КЮННАП (Тарту)

М. Г. Атаманов, История Удмуртии в географических названиях, Ижевск 1997. 248 с.

В последние годы в удмуртском языкознании заметное развитие получила ономастика. Ряд работ и монографических исследований по топонимике опубликован лингвистами. Интерес к проблемам ономастики вполне понятен, ибо эта наука обладает большим информационным потенциалом, весьма ценным для лингвистов, историков, этнографов и т.д. Топонимике посвящена и недавно увидевшая свет книга известного удмуртского ученого М. Г. Атаманова, который уже более двух десятилетий занимается вопросами исторической ономастики и этногенеза удмуртов и является одним из крупнейших специалистов в области удмуртской и финно-угорской ономастики. По данной проблематике им опубликовано много интересных работ, в том числе и две монографии «Удмуртская ономастика» (1988), «Удмурт нимбугор» (1990), получившие высокое признание в научных кругах (см. рецензии П. Аристэ (СФУ 1989 XXV, с. 211—213), В. Е. Владыкина (LU 1992 XXVIII, с. 226—227), Ю. В. Андуганова (Финно-угроведение 1997, № 4, с. 119—124), М. В. Гришкиной и Н. П. Павлова (Финно-угроведение 1997, № 4, с. 125—128)).

Новая книга ученого представляет собой обобщение его многолетних изысканий по топонимике. В доступной для широкого круга читателей форме, с использованием последних достижений современной лингвистической науки и привлечением материалов, полученных археологами, историками, этнографами, фольклористами, антропологами, палеогеографами, в ней рассматриваются вопросы прародины удмуртов, излагается

древняя история Удмуртского края по данным топонимических названий, приводятся оригинальные исследования автора по топонимике. Работа состоит из предисловия, шести разделов и краткого историко-этимологического словаря географических названий.

В «Предисловии» (с. 5—8) автор отмечает, что многие вопросы, связанные с происхождением, прародиной и древней историей удмуртского народа, до настоящего времени еще до конца не решены. Это обусловлено прежде всего тем, что своя письменность у удмуртов возникла лишь в середине XVIII века, а в письменные источники других народов они попали довольно поздно, причем сведения весьма скудны и фрагментарны. В связи с этим при рассмотрении праистории народа М. Г. Атаманов считает необходимым привлечение разных источников — лингвистики, археологии, этнографии, фольклористики: «Из лингвистики в первую очередь обращаемся к географическим названиям, ибо каждый топоним — своего рода исторический документ или памятник, имеющий значение первоисточника» (с. 6). Далее подчеркивается важность топонимике в реконструкции древней истории народа.

Первый раздел книги (с. 9—26) посвящен определению прародины и изложению истории формирования этнической территории удмуртов по данным языка. В первой части раздела автор довольно подробно останавливается на разного рода теориях и предположениях относительно происхождения удмуртов и их прародины, предложенных учены-